

НА ЛИНИИ ФРОНТА

ПРАВДА О ВОЙНЕ

Вадим Мальцев

ВОЙНА ГЛАЗАМИ УЧАСТНИКА ПАРАДА ПОБЕДЫ

ОТ КРЫМА ДО ВОСТОЧНОЙ ПРУССИИ

1941—1945

На линии фронта. Правда о войне

Вадим Мальцев

**Война глазами участника
Парада Победы. От Крыма до
Восточной Пруссии. 1941–1945**

«Центрполиграф»

2016

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

Мальцев В. П.

Война глазами участника Парада Победы. От Крыма до Восточной Пруссии. 1941–1945 / В. П. Мальцев — «Центрполиграф», 2016 — (На линии фронта. Правда о войне)

ISBN 978-5-227-06554-4

Воспоминания Вадима Петровича Мальцева – уникальное свидетельство о Великой Отечественной войне человека, прошедшего ее с первого и до последнего дня. Автору – радиотехнику бомбардировочного, а затем штурмового и истребительного авиационных полков – довелось принять участие в самых трагических эпизодах войны: сражении за Крым в 1941–1942 гг. и эвакуации советских войск с Крымского полуострова, битве за Кавказ и боях на высокогорных перевалах Главного Кавказского хребта, наступательных операциях в Белоруссии, Литве и Восточной Пруссии. Орденоносец, лучший радиотехник авиационной дивизии В.П. Мальцев был выбран в сводный полк 1-го Прибалтийского фронта для участия в Параде Победы на Красной площади 24 июля 1945 г., о котором он оставил интереснейший рассказ в этой книге. Автор проводит параллели с аналогичным парадом 9 мая 2015 г., участником которого ему также посчастливилось стать.

УДК 94(47).084.8
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-227-06554-4

© Мальцев В. П., 2016

© Центрполиграф, 2016

Содержание

Почему я стал писать воспоминания	6
Детство и юность	7
Отец	14
Начало войны	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Вадим Мальцев

Война глазами участника Парада Победы. От Крыма до Восточной Пруссии. 1941 – 1945

*Посвящается той, которая еще девчушкой молилась, чтобы ее
суженый не погиб на войне и был счастлив в семейной жизни...*

Почему я стал писать воспоминания

Каждый раз, когда основные заботы уходят на второй план и появляется возможность расслабиться, я прикрываю глаза, отключаюсь от текущей суеты и невольно попадаю в прошлое, крепко связанное с событиями военных лет и людьми, окружавшими меня. И это прошлое становится тем привлекательнее, чем дальше отдалается от современности.

Сначала это происходило со мной сравнительно редко – иногда ночью, при плохом сне, иногда во время дремоты в вагоне метро, иногда дома в свободные от домашних дел вечера.

Однако сейчас это желание вспоминать становится мне неподвластным. Оно начинает вызывать какое-то внутреннее беспокойство, как будто связанное с незавершённостью важных дел, душевную неуютность, а иногда провоцирует головную боль. Обширная информация о событиях моих военных лет заставила искать разумное решение, и оно было найдено: перенести воспоминания на бумагу. Так как «бумага всё стерпит», я и начал писать. Эта работа увлекла меня, приятно вытягивала из памяти прошлое, очищала голову, а возможно, и совесть.

К великой радости и удивлению, у меня сохранился дневник военных лет, где записаны мои переживания, некоторые события и другие вещи, которые в то далёкое время мне были небезразличны. Теперь эти записки стали синхронизирующими импульсами моих воспоминаний.

Я решил, что моё изложение должно быть кратким, содержать малоизвестные факты и обязательно быть достоверным. Описывая прошлое, оказываешься, хотя и виртуально, помолодевшим на много-много лет и повторно можешь переживать, иногда по-иному, то, что было когда-то.

Детство и юность

Моё сознательное детство прошло без отца, под присмотром матери, при полной свободе выбора развлечений того сложного времени. Различных развлечений было много, но ещё больше было испытаний, которые приходилось преодолевать для утверждения настоящей дружбы. Например, необходимо было просунуть голову в петлю и испытать смертельную опасность, когда из-под ног выбивали маленькую скамейку и обрезали верёвку. Увлекались изготовлением «зажигалок», заряжаемых серой от спичек, которые, как правило, не выдерживали силы заряда. Хотя я был уже ранен раньше из-за неумелого обращения с патронами, однако из «зажигалок» продолжал стрелять. Мой друг Ляся (Евграф Васильев), преодолев все трудности и испытания нашего детства, стал целеустремлённым, ответственным и очень порядочным человеком. Он был моим настоящим «кровным» другом – мы резали пальцы и «обменивались» кровью. Он нашёл меня после войны, когда был уже вторым или третьим секретарём ЦК КПСС Узбекистана. Наш третий друг не выдержал суровых испытаний детства и умер от заворота кишок. Эти события происходили в Сибири на станции Болотное, недалеко от Новосибирска, где я учился с 3-го по 5-й класс.

С 1937 года в Долгопрудненской средней школе (Московская область) моими друзьями были Миша Белькинд, Мирослав Чумало, Олег Ерофеев, Виктор Платонов, Миша Дулов и другие.

В начале учёбы мы, кроме всего прочего, увлекались чтением книг, старались подражать книжным героям, состояли в ОБВ («Общество весёлых волосатиков»), слушали чтиво Миши: «Лука Мудищев», «Юнкерская поэма» и им подобные произведения. В 9-м и в 10-м классах, с подачи Олега, посещали в Москве секцию борьбы самбо, тренером в которой был Анатолий Аркадиевич Харлампиев. Он был отличный воспитатель и хороший тренер: вырастил не только чемпионов, но и известных, уважаемых людей с высокими учёными степенями. В том числе мне знакомых: Чумакова, Гольберга, Латышева, Гаврилова. Мои борцовские успехи были скромными – за два года посещения тренировок и «открытых ковров» я получил только второй разряд. Зато я понял многое из того, что упорно внедрял в наши детские головы Анатолий Аркадиевич. Я усвоил, что такое хорошо и что такое плохо в нашей сложной реальной жизни, и старался придерживаться хорошего. Помню, как он отучил меня от курения, за один день и на всю жизнь.

Одни из лучших моих детских воспоминаний связаны с Крымом. Для меня Крым не просто полуостров, соединённый с материком перешейками. Он важнее – он часть моей Родины. В этом я убеждаюсь, вспоминая, как я мальчишкой в том краю проводил время в детские годы, как сержантом во время войны защищал его от фашистских захватчиков, как радовался желанной встрече после войны с памятными местами. Переживал я и непонятное для меня волюнтаристское политическое решение – передачу полуострова в состав Украины в 1954 году. Естественна была моя радость – воссоединение Крыма с Россией в 2014 году. Для меня – это сказочная страна, где не бывает холодной зимы, где воздух, наполненный морской влагой и ароматом трав, лёгок и целебен, где зреет чудесный виноград и благоухают розы, есть горы, перевалы, водопады, пещеры и яйлы (платообразные горные гряды).

Впервые мне удалось побывать на крымской земле в городе Севастополе вместе с мамой в 1935 году, накануне моего тринадцатилетия. Видимо, судьбе было угодно, чтобы моё близкое знакомство с местной жизнью и природой помогло в годину войны быть в числе защитников этой исторической земли и остаться живым.

Мы приехали в город русской славы в общем вагоне поезда из Москвы. Билет на поезд мама получила за работу зубным врачом в железнодорожной больнице, расположенной около

Савёловского вокзала. А жили мы в это время не очень далеко от платформы Долгопрудная в посёлке Котово, рядом с обширной дворянской усадьбой Кузнецовых.

В Севастополе на площади, где стоит памятник адмиралу П.С. Нахимову, размещался Дом колхозника. В одной из комнат этого дома мы ночевали за небольшую плату, пока знакомились с городом. Прежде всего, нас удивила грандиозная батальная панорама «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.» в Крымскую войну, написанная художником Ф.А. Рубо (1856–1928 гг.). Поражали её масштабы и реалистичность происходившего на Мамаевом кургане – главной тактической высоте Севастополя. Панорама была открыта 14 мая 1905 года одновременно с завершением строительства памятников защитникам города, в том числе Нахимову, Корнилову, Тотлебену.

Мы были очарованы видами портового города, его достопримечательностями: Приморским бульваром, ансамблем Графской пристани. Запомнился морской музей с корабельными орудиями и макетами известных боевых парусников прошлого. Конечно, я любовался кораблями и всем тем, что плавало по заливу. Запомнились некоторые названия больших кораблей: «Парижская коммуна», «Красный Кавказ», «Коминтерн». Внимательно разглядывал канонерские лодки, которые зачем-то подходили близко к берегу.

Мне, любопытному мальчишке, понравились моряки, заполнявшие по вечерам бульвар и набережную. В центре города в это время звучала музыка духовых оркестров, всюду слышались танцевальные мелодии. Поведение военных моряков, морская форма, её особенности удивляли и восхищали меня. Я впервые обратил внимание на брюки клёш, отсутствие ширинки и застёжки на передке этих брюк. Меня поражали красивые золотистые надписи на ленточках бескозырок молодых моряков, их особая выправка. Конечно же мне захотелось стать моряком, плавать на кораблях по морям и океанам. Однако моя детская мечта не сбылась.

В городе продавалось много фруктов, которыми мы лакомились с большим удовольствием. Гроздья спелого винограда, золотистые, мягкие груши, крымские яблоки привлекали своим вкусом и сочностью.

Как я уже упомянул, мы спали на чистых постелях Дома колхозника в обширной, но почему-то душной комнате. Рядом с нами стояла кровать очень разговорчивой, интересной женщины, которая знала всё про ядовитых насекомых южных стран. Она поймала на стене нашей комнаты страшную сколопендру, которая славится своими ядовитыми и болезненными укусами, хотя они не смертельны. Ещё к ядовитым крымским насекомым, как она сказала, относятся фаланга, паук каракурт и пауки тарантулы. Вот что я записал тогда в своей тетрадке:

«Сколопендра – многоножка чёрно-зеленоватого цвета с бронзовым отливом, с рыже-жёлтыми крепкими ногами и головой. Бывает длиной до 10 см. Не путать с многоножкой-мухоловкой.

Фаланга, или сольпуга, – ядовитое паукообразное существо серо-желтоватого цвета, с длинными ногами. Размер 2–6 см.

Каракурт – небольшой паук чёрного цвета с красными точками на брюшке у самца. Насекомое ночное. Самка ядовита во время брачного периода, наступающего в середине лета. Размер – около двух сантиметров.

Тарантул – крупный паук с ногами, окрашенными кольцеобразно в серый и чёрный цвета. Самка вдвое крупнее самца, достигает 3,5 см. Поедает его после спаривания. Укус болезненен, но не опасен».

После увлекательных рассказов соседки я каждый вечер осматривал спальное помещение нашего общежития, но ядовитых крымских насекомых не находил. И в дальнейшем я избежал опасных встреч с этими ядовитыми существами. Страшней и подлей этих тварей оказались фашисты, с которыми мне довелось повстречаться в 1941–1942 годах на незабываемых дорогах отступления и на аэродромах Крыма. А в 2014 году появились более страшные твари среди украинских националистов, уничтожающие мирных людей.

Домой мы приехали очень довольными первым знакомством с тёплым Крымом. Мечтали о новых встречах, но в следующем году мне пришлось ехать одному, без мамы. На летние каникулы в Крым меня пригласила мамина младшая сестра, тётя Шура. Она работала врачом в санатории или в доме отдыха Московского военного округа, в местечке под названием Кизилташ. Впервые я приехал самостоятельно на поезде из Москвы в город Феодосию. Там сел в открытый южный автобус и доехал до татарского села Отузы, где меня с подводой и возчиком встречал двоюродный брат Лёва. Это был Лев Владимирович Белов, мой одноклассник. Дорога, по которой нас везла татарская лошадка, постоянно поднималась в гору, была каменистой. Окружающие горы были покрыты кустарником, деревьями и пышной травянистой растительностью. Подъезжая к санаторию, Лёва показал на два мутных пруда или озера и сказал, что в них водятся много черепах и лягушек, которых легко ловить и с ними можно играть. Здание санатория прикрывалось крупными деревьями, поэтому среди гор и лесистой местности казалось не особенно большим. Хотя в нём размещались кабинеты врачей, палаты отдыхающих военнослужащих и другие служебные помещения. Как я узнал позже, здесь в VII веке была резиденция архиепископа Сурожского Стефана, потом большой известный монастырь, который просуществовал до 1923 года.

В уютной столовой нас с Лёвой поджидали с нетерпением его мама – моя тётя Шура и младший брат Юра, так как уже начинало смеркаться. Некая забота была заметна на лицах обслуживающего персонала, периодически заглядывающих через проёмы дверей. После вкусной еды энергичный Лёва предложил посетить пещеру разбойника Алима, расположенную в ближайшей горе, рядом с корпусом санатория. Однако выходить из помещения нам запретили, не объяснив причины.

Утром Лёва реализовал свою задумку. Мы втроём забрались по мокрой земле в пещеру из красного крымского известняка, с высоким потолком, широким входом и глубиной метров пятнадцать. Там было сухо. По вечерам появлялись летучие мыши. В дождливую погоду мы играли в пещере в различные игры, в том числе в домино и карты.

О благородном разбойнике Алиме, его жизни в Крыму, обитании в этой карстовой пещере ходило много легенд и рассказов. Они мне не запомнились, возможно, из-за схожести сюжетов и их повторяемости. В памяти сохранились такие понятия, как справедливость, свобода и любовь к красавице Рахиль. А ещё запомнились рассказы про зарытые разбойником клады вблизи его пещеры, которые мы с нетерпеливой надеждой старались обнаружить. С этой целью, но не каждый день мы со шупами из толстой проволоки ходили по ближайшим горам, покрытым лесом и травянистой растительностью. Там искали клад, собирали кизил, обжигаясь колючей шайтан-травой. Её прикосновения были болезненными и долго раздражали кожу. Наши поиски клада закончились безрезультатно, но надолго сохранились в детской памяти.

Целительный крымский воздух и длительные прогулки по горам укрепили наше здоровье, чему родители были очень рады. Была запланирована поездка к морю, на Южный берег Крыма. Для этого энергичная тётя Шура договорилась работать главным врачом в другом санатории Московского военного округа, расположенном в городе Судак. Этот город известен хорошим климатом, пляжем, памятниками природы и истории, заповедными местами Карадаг и Новый Свет, элитными виноградниками. Место знаменито развалинами Генуэзской крепости XIV века с массивными стенами и боевыми башнями.

В то лето мы жили на самом берегу Чёрного моря на территории дачи армянского композитора А.А. Спендиарова, в аккуратной сараюшке, где на полу могли разместиться четыре или пять человек. Посредине тесного двора росло огромное тенистое дерево, вокруг которого была фигурная лавка. Там мы играли в настольные игры и прятались от горячего южного солнца. С восторгом и удовольствием купались в море и загорали под присмотром взрослых. Иногда гуляли по окрестностям города, посещали заповедные места, другие санатории, где смотрели кинокартины. Иногда играли около развалин Генуэзской крепости. Впечатляли огром-

ные элитные виноградники, посаженные ещё князем Л.С. Голицыным на кремневых почвах долины. Плантации охранялись сторожами на лошадях, кажется татарами. Запомнилась интересная поездка в город Феодосию. Там знаменитая картинная галерея была создана старожилом этого города художником-мари-нистом И.К. Айвазовским. В дар городу Иван Константинович передал около пятидесяти картин, а всего написал за свои 83 года около шести тысяч полотен. Да ещё каких! На меня его картины, связанные с морем и кораблями, всегда производят особое впечатление. Это мой любимый художник.

Особое внимание картинам, собранным в галерее, уделял мой младший брат Юра. Возможно, его раннее увлечение картинами известных художников позволило ему глубже понять и ощутить красоту природы и всей человеческой жизни. Позднее он сумел отобразить в своём творчестве суровую правду жизни в блокадном Ленинграде, а затем в картинах зрелого мастера показать красоту русской природы и людей, его окружающих. Есть среди картин моего брата незабываемые пейзажи Крыма. Юрий Владимирович Белов – ленинградский художник, известный российский мастер живописи, почётный гражданин города Валдая.

Два последних лета перед окончанием средней школы Лёва, Юра и я отдыхали в Алуште. Там тётя Шура работала также главным врачом в санатории Московского военного округа. Располагался он на пригорке, близко к морю, рядом с дорогой, идущей в дачный посёлок Рабочий (Профессорский) Уголок. Так как море было рядом, а вода всегда тёплая, мы много плавали и ныряли с открытыми глазами, доставая красивые камушки и ракушки с морского дна. Часто купались с местными девочками, которые плавали и ныряли лучше нас и были более загорелыми.

Родители купили нам теннисные ракетки, и мы с Лёвой учились играть на корте. Играли много, но серьёзных результатов не достигли. Зато в игре на бильярдном столе мы научились успешно забивать шары в лузы и играли наравне со взрослыми отдыхающими. Мне нравилась эта игра из-за обдумывания выбора нужного шара, определения направления и силы удара кием, а также предварительной оценки расположения шаров после возможного удара. Хорошие игроки говорили: ошибёшься на миллиметр – в лузу не попадёшь. А ещё учили: хочешь выиграть, не подставляй шары противнику. Мол, здесь думать нужно больше, чем при игре в шахматы.

Часто навевались в миндальные рощи, где сбивали орехи с деревьев самыми различными способами. Ходили по ближайшим горам: Демерджи, Чатырдаг, Кастель. Гора Чатырдаг славится карстовыми формами рельефа. Там насчитывается около 400 карстовых колодцев, шахт и пещер. Глыба известняковой горы напоминает прямоугольный громадный шатёр высотой 1525 метров. По горам ходили без проводников, руководствуясь информацией, полученной от экскурсоводов санатория. Спускались в попадавшиеся там пещеры. Наибольшее впечатление было получено от посещения пещеры Тысячеголовой. Усердно искали какую-нибудь голову, которые где-то затаились. Кругом была сырость, грязь, сталактиты и сталагмиты, настенные драпировки и другие натечные известняковые образования. Из таких походов приходили очень уставшими, но довольными. Несколько раз плавали на двухпалубном пароходике в Ялту, на экскурсию. И каждый раз экскурсанты, для обзора живописного берега, собирались на правой верхней палубе в таком количестве, которое реально могло привести к опрокидыванию судна. Команда судна принимала различные экстренные меры, которые нам казались весьма жёсткими.

Некоторое время мы втроём по непонятным для меня причинам обедали на горе, расположенной на другой стороне Алушты: среди высоких бетонных резервуаров для воды и тенистых деревьев. Там мы располагались на краю водохранилища и ели обед из трёх блюд, который всегда был вкусным. Он помещался в алюминиевых судках: три кастрюльки, соединённые особой ручкой. Вымытые судки относили на кухню в санаторий, где работала тётя Шура. В

Алуште было много старинных богатых дач известных людей и много новых санаториев, перечислить которые трудновато.

В ближайших санаториях часто практиковались вечера отдыха. Мы любили их посещать, так как Лёва хорошо играл на скрипке и, как правило, получал вкусные призы. Всё, что было в призах, делили поровну. У нас не было случаев соперничества или выяснения отношений. Ко мне

Лёва относился уважительно, но проявлял характер старшего брата. Он был ведущим во многих начинаниях. Я с этим соглашался, как с чем-то необходимым, родственным и реальным. Нужно отметить, что в то время у нас не было даже попыток затянуться папиросой, выпить вина или подражать некоторым отдыхающим, которые вели себя слишком вольно. О своих личных планах на взрослую жизнь у нас с Лёвой разговоров не было.

Мне нравилось море и форма военных моряков. Только поэтому перед окончанием средней школы в 1940 году я послал в морское Севастопольское училище заявление о желании там учиться. Но пришёл отказ, который был обоснован опозданием заявления в установленный срок.

Приближалось время призыва в Красную армию. Я собирался поступать в военно-морское училище, но моё заявление опоздало к установленному сроку, и из Севастополя пришёл отказ.

В военкомате предлагали большой выбор различных училищ, однако мы с Мирославом выбрали авиационное техническое училище. Нам это 1-е Московское краснознамённое училище понравилось длинным названием, формой, которую носил брат Олега, и деньгами, которые давали за лётные испытания самолётных радиостанций.

В Москве, в отличие от Мирослава, я успешно прошёл медицинскую комиссию и был отправлен в лагерь под Каширу (станция Белопесоцкая) сдавать вступительные экзамены.

Летний лагерь училища располагался на левом берегу реки Оки и занимал весь лесной массив между железной дорогой, деревней Крутышки и рекой. Сосновый бор и песок создавали тот фон, на котором палатки и другие строения выглядели строго и нарядно.

В палатках жили курсанты, а в деревянных бараках, разбросанных по всей огромной территории лагеря, размещались учебные классы. Приёмные экзамены начинались с кросса на три километра и проводились строго по олимпийской системе, ведь на одно место было семнадцать кандидатов. Кроме гимнастических упражнений и подтягивания, в зачет также входили прыжки с двухметровой высоты. За один день, без штрафных, я сдал девять зачётов и был допущен к мандатной комиссии, возглавлял которую генерал Месенджинов.

Для меня это было самым страшным испытанием – нужно было упрятать и замаскировать всё то, что во мне было самым тайным и было зловеще несправедливо ко мне и отцу. В анкете я написал, что отец работает в Тынде топографом на строительстве БАМа. Возможно, генерал всё понял и громко сказал: «Согласен, принимаем, но, если что не так, загоню туда, куда Макар телят не гонял». Вскоре генерал умер, я успокоился и не боялся, что меня погонят из училища.

С 5 июля 1940 года началась моя служба в Красной армии – я был зачислен курсантом на цикл «Радио». Одновременно в училище был принят Виктор, а Мирослав не прошёл медицинскую комиссию и попал в Кронштадт в береговую оборону.

После продолжительного отпуска в Ленинграде я прибыл в 1-е Московское краснознамённое военное авиационное техническое училище (впоследствии – связи), где сначала нас поместили в карантин. Сводили в обычную баню, остригли наголо, выдали заштопанные, но чистые гимнастёрки, брюки, сапоги и тонкий ремешок.

Вечером нас построили на вечернюю поверку, и я стал называться курсантом Мальцевым. (Рост 168 см, вес 66 кг.)

Вскоре мы приняли присягу со словами клятвы «Служу трудовому народу». Началась курсантская жизнь, которая была сурово непривычной, иногда несправедливой и даже унижительной, хотя нас учили честности и порядочности. В первые месяцы учёбы несколько курсантов не смогли психологически выдержать сложных перемен и по разным причинам ушли из жизни. Воспитание было коллективным – в строю и индивидуальным, которое проводили младшие командиры, окончившие специальные курсы. Нас научили раздеваться и одеваться за две минуты, вставать в строй с намотанными портянками за 50 секунд, на табуретках укладывать обмундирование в строго квадратной форме с идеальными прямыми углами. Особую гордость училища составляли помещения рот, где была чистота и равнение двухэтажных коек, тумбочек и табуреток. Койки заправлялись белыми покрывалами так, чтобы везде были прямые углы, в том числе и у подушек, наволочки которых ушивались особым образом. Все предметы и вещи подчёркивали тот порядок, который не мог нарушаться никем в стенах училища. Иногда дежурные по училищу, назначаемые из числа командиров рот и взводов, доставали из кармана чистый платок и с его помощью находили пыль или грязь в расположении того подразделения, которое им было чем-либо неугодным. Как правило, такое подразделение лишалось очередного увольнения. Я более четырёх месяцев не был в увольнении, но зато побывал в крематории, на сцене Большого театра, в почётных караулах и во многих других местах, где требовалось присутствие курсантов. Наша красивая авиационная форма вызывала зависть даже у курсантов училища имени Верховного Совета СССР, с которым постоянно было соперничество по строевой подготовке на военных парадах.

Зимний распорядок дня начинался в 6 часов 30 минут. Дежурный по роте поднимал руку, а затем её резко опускал. Все дневальные раскрывали рты и выкрикивали самое неприятное слово – подъём!

Уже через две минуты рота следовала на зарядку в Петровскую аллею. Пробежка в нижних рубашках, несколько упражнений – и сон уходил так же быстро, как и приходил в 22 часа 30 минут. Затем туалет, заправка коек, равнение тумбочек и чистка сапог. Утренний осмотр, доклад командиров отделений старшине и следование на завтрак. Голос у старшины был такой мощный, что когда он командовал «шагом арш», то в подвальном помещении, где находилась столовая, гремела посуда, а официантки торопились закончить сервировку столов хлебом, маслом и сахаром. Столовая была тем местом, где соблюдалась полная тишина. Нельзя было разговаривать или двигать стулья. При появлении любого шума подавалась команда «встать», а затем «сесть». После трёхкратного исполнения такой команды рота садилась на стулья совершенно бесшумно, и только после этого можно было приступить к завтраку. Затем заходили в помещение роты, хватали тетрадки и строем шли в классы. На занятиях свободы было больше – можно задавать вопросы, поворачивать голову и что-то записывать. На столах можно было прочесть различные начертания курсантов многих поколений. В них фиксировались личные обиды, некоторые рекомендации, а также сообщалось о количестве компотов, оставшихся до окончания учёбы.

Некоторое однообразие занятий и постоянная усталость вызывали дремоту и даже сон во время лекций. Среди нас выделялся курсант Мельман, который, находясь во сне, всегда правильно отвечал на неожиданные вопросы преподавателей и даже замечал некоторые ошибки изложения. Нашу сонливость очень эффектно умел ликвидировать майор Иванов, преподаватель химдела. Он своим громким голосом, используя необычные ударения и паузы, заставлял спящих курсантов вскакивать и быть посмешищем всего класса. Даже произнося слово «газы», он заставлял нас напрягаться и ожидать чего-то страшного. Он умел нас увлекать названиями веществ, которые были предназначены для уничтожения всего живого и на произношение которых уходило около минуты.

Учился я средне, но с удовольствием. Из-за плохого слуха хуже всего мне давалась морзянка, тренировке которой уделялось много времени в специальных классах. К концу обуче-

ния я принимал и передавал около девяноста знаков в минуту, что соответствовало тогдашним требованиям преподавателей.

После шести часов занятий – обед и час отдыха. Затем строевая или лыжная подготовка. Перед ужином ещё два часа занятий. День заканчивался самоподготовкой и личным временем. Перед «отбоем» в роте проходила вечерняя поверка. И так каждый день. Первое время курсантский режим в училище казался сплошным наказанием, но постепенно мы к нему привыкли, и у нас появилась какая-то гордость, связанная с военной профессией.

Наша парадно-выходная форма отличалась хорошим пошивом, большим количеством блестящих пуговиц, красивыми петлицами и хромовыми сапогами. По многим показателям училище было передовым: лучшая строевая выправка, лучшие гимнасты, бегуны, боксёры, во главе с Николаем Королёвым, абсолютным чемпионом СССР в тяжёлом весе.

1 Мая 1941 года после парада на Красной площади я был дома в увольнении. (Мог ли я тогда подумать, что доведётся участвовать в Параде Победы 1945 года?)

Навестил в Долгопрудном друзей и подруг, многие учились уже в институтах, а некоторые служили в армии. День был тёплый, я блестел сапогами и пуговицами, исправно козырял командирам и радовался жизни, которая становилась всё более интересной и привлекательной с каждым прожитым днём.

Летом вся учёба проходила в лагере. Гарнизонные наряды, частые тревоги, уборка территории от шишек и мусора делали службу немного нудной. Самым неприятным было то, что нас из училища должны выпустить сержантами с двумя треугольниками – армия переходила на срочную службу. Как нам объясняли, этого требовала международная обстановка.

И вместо красных кубарей,
Гласил приказ суровый,
Получишь пару секелей...
И к ним – сапог кирзовый.

Отец

*Нет, никого на свете я всё-таки не люблю так сильно, как папу.
Я буду его любить всегда.*

*Никогда я не сделаю ему никакой неприятности, никогда не
подумаю о нем дурно.*

Валентин Катаев

Мальцев Пётр Федорович родился летом 1894 года в городе Бузулук. Он был младшим среди двух братьев и двух сестёр, родившихся в казачьей семье. На фотографии времён Первой мировой войны запечатлены три брата с офицерскими погонами.

В начале той войны отец окончил школу прапорщиков, потом воевал на Западном фронте, где участвовал в минировании и уничтожении приграничных крепостей и укреплений при отступлении русской армии. Был ранен в грудь навылет и направлен в тыл на лечение. Болел долго тифом.

Кажется, он имел звание капитан. Я хорошо помню его офицерский кортик, который отец подарил моему старшему двоюродному брату Борису. Гражданская война закончилась для него знакомством с моей мамой и женитьбой. Лебедева Зоя Петровна в то время работала медицинской сестрой на пароходах и в тыловых госпиталях. Брак был зарегистрирован в канцелярии коменданта города Томска 22 марта 1920 года.

В удостоверении отца, выданном в январе 1920 года, написано, что он является командиром взвода конной сотни 267-го Горного стрелкового полка, входящего в 5-ю армию.

Некоторое время отец имел двух лошадей и занимался частным извозом. Перед моим рождением беременная мама ездила верхом на лошади, которую звали Орлик. Это были удивительно отважные и рискованные поездки, очень хорошо запомнившиеся моим родителям, а мне по их рассказам.

Отец был высоким и рослым, сильным и смелым человеком. Легко забрасывал на крышу сарая пудовую гирю, а когда она падала, то непременно ее ловил. Знал приёмы французской (римско-греческой) борьбы. Посещал цирк, увлекался схватками знаменитых в то время борцов.

Отец в составе артели ходил на север тайги мыть золото. И его поход, по словам матери, был удачным.

Когда я родился, отец служил в топографических отрядах и занимался землеустройством. В домашней библиотеке всегда были книги по геодезии и топографии.

В моей памяти сохранились поездки в города Канск и Барнаул, а также в районы Новосибирской области, где отец в летнее время работал землемером. Благодаря ему я знакомился с топографическим инструментом, держал вешки и рейки при нивелировке, забивал колышки.

Мы с мамой постоянно сопровождали отца в летних поездках. Для нас это было счастливое время. Мама называла отца Петрустик, а он её – Зайка, что утверждало семейное уважение и любовь друг к другу. Меня отец называл Вадим, а иногда и рифмовал: Вадим – никому не продадим.

Дома у нас всегда было ружьё с патронами, которыми я любил играть. Отец любил мне рассказывать про рыбалку и охоту. В своё время большую красную рыбу ловили с помощью багра и охотились на медведей зимой во время их спячки. Хорошо помню его рассказ о медведице, разбуженной в берлоге ёлкой-будилкой, про осечку ружья и подоспевшую помощь товарища. Очень любил рассказывать про охоту на волков в лунные зимние вечера. Для этого он с товарищем выезжал на санях в степь. В качестве приманки использовали, как правило, поросёнка. Если поросёнок слабо визжал, отец кусал его за уши.

Благодаря трудолюбию отца и его уважению к людям жили мы в это время хорошо и могли снимать квартиру в городе Новосибирске. С 1929 года мы жили на Коммунистической улице в маленьком холодном домике, стоящем на краю большого оврага.

Родители были людьми общительными и гостеприимными. В зимнее время, когда к нам приходили гости, обычно сослуживцы отца с семьями, чаще под Новый год, взрослые устраивали весёлое катание на санях по дороге, проходящей по оврагу и круто спускающейся к речке Каменка.

По вечерам отец обычно занимался калькированием (копировальными работами), а мама – домашними делами и мною. Помню в этом домике три комнаты, в каждой по одному окну, нехитрую обстановку. Ещё в доме были сени, в которых складывались дрова, нарубленные отцом. Большая поленница дров стояла и во дворе. Из сеней дверь вела на кухню, где была русская печь, а около дверей было место, где снимали и ставили галоши мы и наши гости. С этими галошами происходили часто забавные случаи: то терялись пары, то ребята засовывали в них липкие конфеты, то иногда они куда-то бесследно исчезали.

В следующей комнате стоял обеденный стол, диван с подлокотниками в виде львиных голов и несколько простых стульев. На стене висела репродукция картины Шишкина и два чучела куропаток. В спальне, кроме кроватей, стоял буфет, в нижнем ящике которого лежали мои игрушки.

Когда я учился во втором классе начальной школы, наша спокойная жизнь круто изменилась. То ли по высоким политико-экономическим соображениям, либо из-за подлого доноса, рождённого русской завистью, отец был арестован и сослан в город Нарым. (Постановление коллегии ОГПУ от 13 февраля 1932 года.) Затем его посылают прокладывать трассу БАМа, а вскоре отправляют на строительство Беломорско-Балтийского канала, где он был прорабом на первом и втором шлюзах головного участка канала.

Мама же вынуждена была искать работу. Чтобы прокормить себя и меня, она устроилась работать зубным врачом на железнодорожную станцию Болотное, куда мы и переехали жить.

Мама неоднократно писала письма и прошения о пересмотре судебного дела отца в различные организации и инстанции, в том числе «всесоюзному старосте» М.И. Калинину, но все старания были напрасны. Не помогло и обращение к Богу.

Перед окончанием строительства канала за успешное руководство работами на первом и втором шлюзах отцу разрешили свидание с семьёй. Мы с мамой незамедлительно приехали в зону, за колючую проволоку, где прожили втроём в маленькой барачной комнатке целую неделю. Может быть, это была вовсе не неделя, а всего два-три дня, но мне хотелось это счастливое время продлить как можно дольше.

Отец брал меня на стройку и лично показывал, что, где и как строится. Строительство шлюзов было практически завершено, однако взрывные работы ещё продолжались. Гранитные глыбы и ложе канала непрерывно взрывали с помощью зарядов аммонала, а заключённые так же непрерывно катили тачки, наполненные камнями, по дощатым настилам в отвалы.

Уставшие крестьянские лошади везли в грабарках по плохим дорогам всё ту же каменистую породу. Казалось, что этой тяжёлой работе нет конца, а подневольные люди будут выполнять её вечно.

Как вспоминают некоторые историки, строительство канала с использованием «дармовой» рабочей силы было предложено и обосновано некоторыми «очень сообразительными товарищами», которые затем занимали руководящие посты на многих стройках. В том числе: Н.А. Френкель, Л. Коган, Берман. Эти люди обладали фантастической памятью, были беспощадны, имели неограниченные права и умели приспосабливаться. Они раньше других поняли, как эксплуатировать заключённых и как руководить такими стройками. Для этого использовались все известные и малоизвестные методы «перевоспитания» каналоармейцев (заключённых).

Можно сомневаться, но канал протяжённостью в 227 км и только усилиями ОГПУ был построен за 20 месяцев, а введён в эксплуатацию 20 июня 1933 года.

В это время ОГПУ (Объединённое государственное политическое управление) возглавлял Ягода. На этой важнейшей стройке 1-й пятилетки «очищались трудом и перековывались» более 100 тысяч человек.

Для нормального функционирования канала было построено 19 шлюзов, 15 плотин и 51 дамба, а история перековки заключённых описана в большом литературном труде 37 известных авторов под редакцией М. Горького. В книге подробно описано само строительство и «перековка» врагов народа, вредителей, воров и других «нехороших» людей. За ударный труд некоторые заключённые (15 %) были восстановлены в правах, награждены орденами и почётными значками Беломорканала. Нужно отметить, что на строительстве канала «перековке» уделялось особое внимание, и поэтому неудивительно, что некоторые заключённые в дальнейшем занимали высокие должности или были ведущими специалистами в областях создания новой техники.

Охрана пропускала отца на все участки стройки, и он мне показывал устройство шлюзов, механизмы ворот, крепёжные ряжи, водосбросы и другие интересные сооружения. Пользуясь доверием руководства лагеря, он брал прогулочную лодку, и мы заплывали далеко от берега ловить удочками окуней.

Вода в Онежском озере очень прозрачная, и, когда отец учил меня рыбачить, было интересно наблюдать за поведением рыбы и её поклёвками.

Уезжали мы с мамой обратно в Болотное со станции Медвежья Гора в тот день, когда туда приехали члены политбюро ЦК ВКП(б). В нескольких шагах от меня, около своего вагона, беседовали Сталин, Калинин, Ворошилов и другие известные руководители страны. Первых троих я хорошо рассмотрел и запомнил.

На следующий год мы получили открытку, в которой отец каллиграфическим почерком писал: «УРА! Я СВОБОДЕН! СОБИРАЙТЕСЬ В МОСКВУ!»

Его освободили досрочно, наградили знаком «Ударник Беломорско-Балтийского канала» и направили уже вольнонаёмным на строительство канала Москва – Волга. Там, на севере Онежского озера, он оставил добрую память в гранитных камерах первого и второго шлюзов, а также приобрёл большой опыт как строитель и организатор строительных работ.

На строительстве канала Москва – Волга отец был назначен начальником отделения топографических разбивок Химкинского района канала. Топографические работы начинались на участке Клязьминского водохранилища, и, видимо, поэтому мы сначала жили в деревне Чиверево, а затем в Хлебникове.

Жили в маленьких комнатах. Мои родители дружили с хозяевами сдаваемого жилья. По утрам на служебной подводе отец уезжал на топографическое обустройство трассы канала и строительство объектов, связанных с каналом, в том числе Северного речного вокзала и порта, четырёхпутного железнодорожного моста (около города Химки), шоссейного моста возле Хлебникова и других объектов.

Домой отец возвращался усталый и, как правило, в грязных болотных сапогах, за которыми очень ухаживал, постоянно тщательно пропитывал жиром, чтобы они не промокали.

В моей памяти сохранились первые впечатления о людях, которые жили на будущей трассе канала. Все они были добрыми, мылись в русских печках на соломе, по вечерам долго гуляли и громко пели песни. Чаще всего пели про «золотые горы и реки полные вина». И главное – все они были москвичами, так как постоянно говорили о Москве и либо там работали, либо ездили на московские рынки. Вагоны пригородных поездов были заполнены молочницами с большими бидонами молока и пахли вкусной колбасой, которую они покупали в столице.

Мы с отцом ездили мыться в центр Москвы, в Сандуновские бани. Там терпеливо сидели на полках в парилке, а заканчивали мытьё в маленьком бассейне. В буфете бани выпивали

бутылку лимонада. Иногда отец покупал мне яблоки или апельсины. К пиву и водке он относился отрицательно. И только иногда, приходя домой мокрым и уставшим, он выпивал одну-две рюмки водки, настоящей на апельсиновых корках. И ещё это случалось в те дни, когда мама готовила вкусный обед. Он считал, что русские люди в подавляющем большинстве не умеют пить, а выпив, совершают непредсказуемые поступки и стремятся к заветной цели – допить и ещё выпить. Недоброжелательно отец относился и к курению.

В хлебниковской начальной школе я учился с Мишей Дуловым, Симой Коровкиной и Геней Морозовым. Требования в этой школе были значительно строже, чем в сибирских школах, и я на уроках чаще всего получал отметку «уд с вожжами».

Примерно через год после приезда на стройку мы получили отдельную комнату с балконом в двухэтажном бревенчатом доме. Этот дом стоял рядом с дорогой, с двух сторон которой росли старые ели, а сама дорога вела в богатое поместье Кузнецовых. Здесь были красивые постройки, большие конюшни и дом, построенный без гвоздей, который демонстрировался на Парижской всемирной выставке. Некоторое время в нём размещались классы котовской начальной школы, в которой я учился.

В нашем доме было всего десять комнат. Там жили в основном семьи бывших репрессированных офицеров. Рядом с нашей комнатой жила семья генерала Генерального штаба – молодая жена и их толстая вредная дочь.

Пожилой сосед иногда заходил к отцу играть в шахматы. Некоторые партии были долгими. Отец обучал этой игре и меня, но я шахматами не увлекался, старался подольше быть на улице.

Каждую зиму отец обязательно делал для ребят большую снежную горку, и мы с большим удовольствием катались и дурачились возле неё.

Посчастливилось мне наблюдать игру футбольной команды «Спартак» со сборной командой лагеря, состоящей из заключённых. Хорошо запомнился лагерный вратарь, «человек-пантера», который далеко прыгал и здорово ловил мячи. Однако легендарные футболисты братья Старостины, а их было половина команды, забили несколько безответных мячей и сломали ребро вратарю. После этого футбол как игру я перестал уважать.

В праздники отец водил нас в зону, где был большой клуб, в котором проводились торжественные собрания и концерты с участием известных артистов. Приезжали артисты Большого театра и московской эстрады. Мне почему-то запомнились выступления певицы Валерии Барсовой и баса Максима Михайлова.

В тёплое время года отец часто брал меня на строительство канала. Там я наблюдал за работой людей и техники, которая облегчала труд землекопов, помогал ему в землемерных работах: держал топографические рейки, забивал колышки, измерял расстояния с помощью металлической ленты.

Наиболее тяжёлым участком на строительстве канала была так называемая Глубокая выемка. Там нужно было глубоко копать и вывозить много грунта. Я смог наблюдать весь процесс работ на этом участке канала. После топографической разбивки участка верхние слои грунта заключённые вывозили в отвалы на тачках и грабарках, запряжённых лошадьми. Когда появился котлован, тачки из него вытаскивали с помощью специальных тросовых подъёмников с крючками. Эти агрегаты были созданы заключёнными и работали на электрической тяге. На заключительном этапе земляных работ на этом участке появились экскаваторы типа «Ковровец» и железнодорожные платформы с маломощными паровозами серии «Ов», в просторечии – овечка.

Когда экскаваторы начали тонуть в плавунах, а железнодорожные рельсы уходить под воду, которую непрерывно откачивали, отца привлекали к дежурству на этом участке как специалиста и организатора по борьбе с аварийной обстановкой.

Вскоре появились экскаваторы типа «драглайн», которые далеко забрасывали свои ковши и успешно справлялись с жидким грунтом.

Благодаря самоотверженной работе строителей канал длиной 128 километров со сложными гидротехническими сооружениями был построен и сдан в эксплуатацию 15 июля 1937 года.

Глубина канала 5,5 метра, ширина по поверхности 85 метров. На трассе канала вынуто около 200 миллионов кубов земли. На стройке работало 200 экскаваторов, а численность заключённых доходила до 192 тысяч человек. Канал имеет 240 гидротехнических сооружений: 11 шлюзов, 40 плотин, 8 водохранилищ и около 100 заградительных ворот.

История строительства вызывает чувство восхищения и грустную память о миллионах людей, связанных со строительством канала имени Москвы. Число погибших остаётся неизвестным в связи с таинственным уничтожением архивов НКВД в 1941 году, хотя, по некоторым данным, может достигать одного миллиона человек. Строительство канала возглавлял известный Л. Коган.

Отец несколько раз ездил с ним в шикарной американской автомашине с собакой на радиаторе и пояснял начальнику строительства некоторые особенности работ на Химкинском участке. После таких поездок отец рассказывал, какие он испытывал волнительные чувства при поездке в авто по сравнению с тряской на служебной телеге.

После окончания строительства для лучших людей стройки была организована поездка на новом теплоходе «Иосиф Сталин» от Северного речного порта до Икши и обратно. Отцу была выделена каюта люкс с передним обзором, на второй палубе. Большую часть каюты занимала широкая мягкая кровать, покрытая шёлковым покрывалом и очень удобная для наблюдения берегов и водного пространства. Мы отправились в путешествие втроем, были взволнованы и счастливы.

Отец в течение всей поездки рассказывал мне и маме о трудностях и особенностях стройки. Когда мы отплывали от речного вокзала, отец вспоминал, как сложно было по насыщенному грунту осуществлять планировку парка, а затем высаживать взрослые деревья, как впервые строился четырёхпутный железобетонный мост и как Глубокая выемка сдерживала сроки окончания строительства канала.

После Химкинского водохранилища мы проплыли под мостами, а потом над заградительными воротами и только затем вошли в Глубокую выемку. Перед этим отец показал дачу Тухачевского и обратил внимание на большое количество ходовых береговых знаков. Когда мы плыли по участку Глубокая выемка, высокие берега почти закрывали пасмурное небо, а в каюте становилось мрачно. Но берега опускались, и обзор снова улучшался.

Пересекли старое русло реки Клязьмы, на траверзе слева была деревня Павельцево, а справа – старинный парк Котово. Отец вспомнил, как мы с ним наблюдали за взрывом временной перемычки реки Клязьмы перед заполнением водохранилища и как на нас сыпались куски породы и деревяшки, когда мы лежали на крыше сарая в этой деревне. Взрывы были настолько мощными, что, находясь в километре от перемычки, мы были вынуждены спрятаться от падающих сверху различных предметов.

Далее мы проплыли шоссейный мост в Хлебникове, где просматривалось Клязьминское водохранилище. Заканчивался большой участок канала, где топографическую разбивку проводило отделение отца. Дальше были ещё водохранилища и другие участки канала. Перед шлюзами наш теплоход развернулся и поплыл обратно. Стало пасмурно, и накрапывал дождь.

Для меня из всего увиденного на стройке канала остались загадкой особенности конструкции заградительных ворот, предназначенных для аварийного перекрытия канала. Хотя я наблюдал, как обрабатывались толстые брёвна из лиственницы, как они стыковались в треугольники, укладывались и поднимались из своего лежбища, а затем с помощью крепкой цепи

удерживались в вертикальном положении, но я не понимал всей динамики их подъёма и способности удерживать большой напор воды.

Наша счастливая семейная жизнь закончилась постановлением тройки УНКВД СССР от 7 декабря 1937 года, которая осудила отца по 59-й статье на 10 лет и направила его на строительство Байкало-Амурской магистрали. Там он работал топографом и прокладывал пешком в болотистой тайге новую трассу магистрали от города Тынды на запад к Байкалу. Больше я своего отца не видел. Из Тынды очень редко приходили грустные, заботливые письма, в которых писалось о трудностях работы на новой стройке.

С началом Отечественной войны строительство магистрали прекратили, а перед Сталинградским сражением были демонтированы и вывезены на фронт железнодорожные рельсы.

В связи с прекращением стройки отец был переведён в Коми АССР на участок по добыче нефти в районе города Ухта. 1944 год для отца стал последним. Плохое питание, постоянные унижительные отказы патриотически настроенным офицерам в создании специальных подразделений по борьбе с немецкими оккупантами, тяжёлая моральная лагерная обстановка сильно повлияли на здоровье отца. Мы получили уведомление, что он скончался в местах заключения 14 июля 1944 года. Кажется, это был день его рождения...

Я никогда не верил, что отец мог совершить необдуманные поступки, оскорбить людей или выступать против политической линии власти. Мама до самой смерти осталась беспартийным большевиком, а я убеждённым коммунистом.

Официально отца реабилитировали в 1969 году. Президиум Новосибирского областного суда 27 июня 1969 года отменил решение коллегии ОГПУ, а президиум Московского областного суда 6 июня 1969 года отменил решение тройки УНКВД. Справка о полной реабилитации № 201-69-5 от 20 ноября 2003 года была получена из прокуратуры Московской области.

Адвокат Арие, который помогал оформлять реабилитацию отца, сообщил маме, что отец за ударный труд был представлен к ордену Трудового Красного Знамени, но она отказалась от дальнейших хлопот по столь сложному делу.

Его трудолюбие, доброта и любовь к людям останутся в нашей памяти, а результаты практической деятельности в виде монументальных сооружений уже стали памятником этому человеку и миллионам людей, связанных общей судьбой.

Начало войны

22 июня 1941 года я был часовым на посту № 1 в штабе у знамени училища и денежного ящика. Через открытую форточку веяло свежим ранним утром, пахло сосной и сыростью от пола, вымытого курсантами. Тишину спящего лагеря постепенно, сначала робко и неуверенно, а затем с вдохновением и азартом начали заполнять птичьи голоса, среди которых слышались соловьиные трели.

Было обычное раннее утро, которое приносило радости нового дня, извещало о конце ночной смены и приятном завтраке в караульном помещении. (Усиленное питание всегда полагалось караулу за его особую службу.)

В то памятное утро я выключил на своём посту освещение и наслаждался пением птиц, свежим рассветом и тишиной, которая медленно таяла под влиянием нового дня. Всё было спокойно, привычно, обыденно. После сдачи поста я продремал бодрствующую смену, поспал около двух часов, позавтракал и был готов заступать на пост, когда вдруг услышал страшное слово – ВОЙНА.

Пока для меня и для многих это было только слово, произнесённое по радиотрансляции. Мы слушали выступление наркома иностранных дел В.М. Молотова, недавно принимавшего представительную делегацию немцев и теперь называющего их врагами. Казалось, он должен был первым осознать тот хитрый и грандиозный обман, который так тщательно подготовили и реализовали немцы, а возможно, и предотвратить его в самом начале. Но теперь было слишком поздно – нужно браться за оружие.

Как я узнал позднее, в этот же день к верующим обратился митрополит Сергей. Он сказал:

«Повторяются времена Батыя, немецких рыцарей, Карла Шведского, Наполеона. Жалкие потомки врагов православного христианства хотят ещё раз попытаться поставить наш народ на колени перед неправдой, голым насилием принудить его пожертвовать благом и целостью Родины, кровными заветами любви к своему Отечеству.

Но не первый раз приходится русскому человеку выдерживать такие испытания. С Божьей помощью и на сей раз он развеет в прах фашистскую вражескую силу. Наши предки не падали духом и при худшем положении, потому что помнили не о личных опасностях и выгодах, а о священном своём долге перед Родиной и верой».

Нам выдали старые винтовки, новые противогазы. В лагере усилили караулы, учёба пошла ускоренными темпами. На разводе караулов, который всегда проходил очень торжественно, с большим духовым оркестром, комендант лагеря майор Иванов артистично, громовым голосом сообщал о немецких диверсантах, неизвестных личностях, задержанных без документов, о задачах шпионов, сигнальщиков и других пособников врага. Немецких парашютистов он обрисовывал примерно так: «светлые волосы, голубые глаза, стального цвета комбинезон, жёлтые ботинки с гетрами, сигнальный фонарь, парабеллум, гранаты, ром, галеты, шоколад. Стреляют без промаха. Могут появиться в лагере. Ваша задача их обезвредить».

После такого инструктажа некоторые курсанты отказывались идти в караул. Их желание удовлетворялось, но они оказывались реальным примером трусости и нарушения устава. Их фамилии повторялись на многих построениях.

Хотя фронт был далеко, но по ночам во многих местах вспыхивали таинственные огоньки, взвивались ракеты и задерживались подозрительные личности. Однажды наша рота была поднята по тревоге для прочёсывания леса в районе домов начсостава. Там, как говорили, по ночам раздавался кодированный свист, который и послужил причиной тревоги. Мы с прижатыми штыками, но без боевых патронов, в кромешной темноте шли по лесу, натываясь на пни, корни и кусты бузины. Как хорошо, что не было боевых зарядов! Был только страх. В

результате успешной операции пойманы трубач из муззвода и жена преподавателя. Случайностей было много. Говорили, что кто-то стрелял в начальника училища, бесследно пропало два курсанта 9-й роты, застрелен курсант, находившийся в секрете.

В свободное от занятий время непрерывно рыли щели, которые также непрерывно осыпались и превращались в обычные канавы. Были изрыты все площадки, плацы, лес около пала-ток и берег реки.

Через месяц прозвучала настоящая тревога. Быстро одеваемся, хватаем противогазы, из пирамид – винтовки и в щели. Временами слышен звук моторов самолётов, но в стороне и очень высоко. Хочется спать, однако мелкий песок сыплется откуда-то сверху, попадая за шиворот, в глаза и рот. Если начинаешь ворочаться, то песок сыплется как из ведра. Перед рассветом, когда я уже уснул, проснулся от разрывов бомб и стрельбы зениток – немецкие самолёты бомбили железнодорожный мост через Оку. На следующий день в лагерь приехала взволнованная мама. Она рассказала, что над Лианозовом летало много немецких самолётов, которые в основном сбрасывали зажигательные бомбы. Сгорел наш сарай, в котором я любил читать книги и который для меня был детской крепостью. Одна бомба упала на крышу дома, прожгла карниз и догорела на земле. Наш дом остался целым. Последующие налёты немецкой авиации были менее интенсивными.

Выпускались мы досрочно, государственных экзаменов и зачётов не было. Сдали винтовки, получили продовольственные аттестаты – и по воинским частям. Меня направили в город Липецк, где формировались авиационные полки и шло обучение на новую технику.

Ночью 27 июля 1941 года я спал на своей кровати дома в Лианозове. Рано утром простился с мамой и поехал на Павелецкий вокзал, где должен был встретиться с такими же сержантами, как и я. Тревоги в эту ночь не было. От Красной площади до вокзала шёл пешком, любуясь тишиной старых улиц, открывая для себя то, на что раньше не обращал внимания. Город просыпался медленно вслед за солнцем, которое начинало играть в куполах церквей, в окнах верхних этажей домов и только потом освещать деревья скверов и площадей. Ласковое солнечное утро придавало даже знакомым улицам свежую обновлённость и красоту пробуждения. Дворники не спеша сметали с панелей мусор и осколки от зенитных снарядов. Первые прохожие не торопясь направлялись по своим делам, только маленькие дети вместе с родителями спешили в садики и на детские площадки.

Я шёл и наслаждался прекрасным утром, которое вело меня по Москве, указывая ту единственную дорогу, с которой трудно свернуть и по которой мне предстояло идти очень долго. Шёл я гордо и уверенно, в новых яловых сапогах, в новом обмундировании с голубыми петличками, на которых был один золотистый большой треугольник и два красных маленьких.

На вокзале вся команда из шести человек села на поезд и отправилась в Липецк. В вагоне ехало много беженцев, были и москвичи, спасавшиеся от бомбёжек, но больше всего было военных. Хотя нам было по 18 лет, но возможно, мы смотрелись уверенными и серьёзными. Пожилые женщины нас жалели, а девушки приятно улыбались и строили глазки.

После Ельца поезд бомбил одиночный немецкий самолёт, но всё обошлось, и мы без особых приключений доехали до Липецка. Здесь формировались авиационные полки, а личный состав учился эксплуатировать новую авиационную технику. Собирались расформированные части, оформлялись на довольствие авиационные экипажи, бежавшие из плена, вышедшие из окружения или просто отставшие от своих частей. Новых впечатлений было много. По ночам часто прилетали немецкие самолёты, но бомбили редко, видимо, они вели фоторазведку тех пяти аэродромов, на которых в 30-х годах совершенствовали свою лётную подготовку их лётчики.

Днём, как правило, мы отсыпались от ночных тревог, а вечерами слушали интересные рассказы бывалых. Рассказывали много, увлекательно и достаточно остро. Обычно события или случаи, которые происходили с экипажами или отдельными лётчиками как в тылу, так

и на фронте, заканчивались поучительной историей с печальным концом. Рассказывали, как наши зенитчики, плохо зная силуэты самолётов, открывали огонь и сбивали своих, как немцы используют воздушную и агентурную разведку при подготовке налёта на аэродром, как готовят атаку «мессера» и многое другое. Эти вечерние посиделки в общежитии лётчиков были своеобразным семинаром, который обнажал недостатки управления и организации полётов в начальный период войны, обучал мужеству, находчивости и ненависти к фашистам. Иногда рассказывали о паникёрстве, неразберихе, предательстве, но таких случаев было мало, и они были не самыми важными для патриотически настроенных авиаторов.

Молодые сержанты – лётчики и техники сидели тихо, вслушиваясь и запоминая то, с чем им придётся встретиться в ближайшее время, о чем не написано в учебниках и чего пока не было в их жизненной практике.

Часто в военном городке появлялись заросшие щетиной, в лохмотьях, измученные физически и морально люди, о которых говорили, что они вышли из окружения или были сбиты за линией фронта. К ним относились с сочувствием и уважением, они приглашались на наши посиделки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.